

Мария Дементьева

В

ы уехали из России 22 года назад. Время прошло немалое. И так, кто вы теперь? Кем себя ощущаете? Россиянином, живущим за границей, или же, что называется, гражданином мира?

— Думаю, я принадлежу к совершенно определенной нации, которая называется российской эмиграция. В принципе я — чужой везде и даже, как это ужасно ни звучит, здесь.

Кстати, прежде, когда я жил в России, я принадлежал, если можно так выразиться, к разным национальностям. Поясню. Когда я был школьником из средне-обеспеченной семьи (отец — военный доктор, 12 метров комната на Уланском, в которой жили брат, я и родители), это был один человек. Со своей определенной системой отношений, своими рамками дозволенного и недоделанного, понятного и непонятного. Затем наступил период, очень короткий, когда я стал популярным артистом. Вспоминная эротика, мне все время хочется сказать: извините, я хотел в то время быть другим. Тогдашние артисты — это также была особая нация, приближенная к властям, везде желанная. Двери открывались перед именем, хорошее отношение возникало еще до того, как ты начинал говорить. Я был удивительно счастливым человеком, мог держать фигу в кармане и в то же время изрядно и регулярно зарабатывать от советской власти, партийных структур. Это была еще одна моя, по сути дела, нация. Это положение определяло некие системы взаимоотношений между людьми. Ведь только язык общий, все остальное было разное, понимаете? Так же, как, к примеру, житель Арзамаса и москвич — разные нации. Более различия, чем москвич и житель Нью-Йорка. Если рассматривать комплекс качеств, которые необходимы для выживания.

Ну а потом возникла еще одна нация, которая называется эмиграция. Я называю это отдельной нацией потому, что эти люди, по еврейской ли они линии выехали или по старообрядческой, имеют одну определенную систему конфликтов, которая сопровождает их жизнь. Они соприкасаются с определенными конфликтными ситуациями и решают их по одной и той же схеме, и это определяет их общность.

Вообще, если говорить всерьез, мой путь был, как и у многих, довольно извилистым, непрямым. И 22 года работы на радиостанции «Свобода» открыли мне так много нового в России и так приварили меня к ней, но не к этой, конкретной, а к какой-то другой, идеальной. Этой Россией я занимался 24 часа в сутки. Ее прошлым, настоящим. Тюрмы, лагеря, проклятый Брежнев, прекрасный Сахаров, восторг от молодого Горбачева, сочувствие гонимому Ельцину. И эта Россия не была для меня шоком, а была продолжением той духовной жизни, которой я жил до этого.

Если сегодня подводить итоги, то в России за 4 года я был 16 раз. Причем ни разу еще я не приезжал в отпуск, все время по каким-то делам. Но следующий вояж будет лишь для того, чтобы просто общаться. Скоро я ухожу на пенсию. Буду придумывать себе какой-то способ жизни, мыслю его опять же в промежуточных состояниях. Я купил квартиру в Москве, и если здоровье позволит, буду жить в этом городе ровно столько, сколько смогу делать что-то мне приятное. Выбор места жительства особого значения не имеет, все дело во внутреннем покое. Вот что еще, кстати, дала мне эмиграция. Это можно сравнить с тюремным заключением. Отсидевшие выходят физически окрепшими людьми, потому что очень многие раздражители уходят. Так и со мной. Хотя звучит, быть может, парадоксально. А вообще-то я человек с паспортами и с самолетными билетами, который где-то может находиться дольше, где-то меньше. Привязанностей больше нет. И если это называется гражданином мира, то нехай, мне безразлично.

— Долгое время вы были одним из проводников русской литературы за «железным занавесом»...

— Ну да, я был громкоговорителем. Я громко, внятно прочел по «Свободе» все лучшее, что невозможно было здесь напечатать, или большинство из того. Наверное, это была самая мудрая и большая моя школа, ведь до этого я никогда не занимался чтецким делом. Мне пришлось многому научиться, и я нашел свои ключики. Читая, я, пожалуй, в большей степени был, скажем, интеллигентным человеком, который просто хорошо читает вслух. И пытается понимать то, что читает.

Когда я только приехал на Запад, моей первой работой на радиостанции была Нобелевская лекция Солженицына. Я ее проговорил (после Солженицына очень хвалил меня). А потом я начал читать «Архипелаг ГУЛАГ», причем подготовки никакой не было. И вдруг во время чтения я разрыдался. Объяснить

это было безумно сложно, случилось это чисто эмоционально. Ведь тогда я только что приехал из советской России, и то ли возникли ассоциации, то ли вспомнились репрессированные родственники, то ли я подумал о своей возможной перспективе. Многие тогда не могли меня понять, отнесли это к фокусам приехавшей «звезды». Я на них не обиделся, у них был другой человеческий опыт.

— А что это все-таки были за ключики, которые вы нашли для радио? И чем отличался ваш новый опыт от предыдущего?

— Видите ли, когда я пришел на радиостанцию, мне был 41 год. У меня всегда был очень точный барометр. И багаж мой был, я считаю, уникален. Я четко знал, что я не должен делать. И я искал свои ключики. Я думал: вот мой друг, сидит на кухне, прильнув к приемнику — поверит он мне или не поверит. Что для этого нужно сделать, что требуется от меня? Мастерство, четкость речи, выстраивание композиции — это, как говорится, дело ремесленное. Но нужны искренность до предела, до предела взведенность, снятие всех внешних проявлений темперамента. После каждого чтения я, как правило, чувствовал себя физически плохо — работал с полной отдачей, сдерживая себя от любых актерских помыслов. Второе — я знал, что меня никогда не слушают несколько человек вместе, а только один. Я ни в коем случае не должен агитировать, мне нужно пробираться туда, во-внутрь, в ду-

шный подполье», при котором все становится настоящим.

— Вас порой обвиняют, что для радиоспектаклей «Свободы» вы берете одних и тех же актеров, у вас все время работает одна и та же компания.

— Что я могу поделать, если Лев Дуров, который играет во всех наших спектаклях — неважно, большие ли, маленькие ли роли, — он привносит в запись этих спектаклей такое количество труда, опыта, он так в них на месте, что мне трудно представить кого-то другого вместо него. А если мы договариваемся, например, с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским, что он сделает такую-то роль для радиоспектакля, то я узнаю потом уже, как он работал над ней, неделю искал акценты, интонации. А после этого, во время записи, разумеется, все легко. И если у меня всегда участвуют Всеволод Абдулов или Всеволод Ларионов, Любовь Соколова — это все люди, которые, я знаю, принесут с собой целую жизнь.

Мне не нужны перевоплощения, я давно знаю,

ши он дальше здесь. Может быть, то же самое. Хотя я очень большой поклонник Аксенова и по сей день им восторгаюсь. Он оказался очень самодостаточным и себе не изменил. Он отдал дань всем советским реалиям и продолжает писать из себя, из, так сказать, своего круга восприятия, мысли. Но, возвращаясь к разговору о времени, — одни ушли, возникли другие имена. Например, Довлатов оказался здесь безумно популярным, чего никто не ожидал в эмиграции. Понимаете, генералы литературы ли, искусства ли за редким исключением были генералами той власти, даже в своем противостоянии ей. А эмиграция предъявила гамбургский счет на Родине.

Кроме этого, если отбросить вопрос, кто вообще может быть теперь популярен, как печатаются книжки, как издаются сочинения, — лопнула ведь вся система. Произошла революция. Кстати,

Конечно, я был счастливым; ерунды-то не читал. Господь Бог дал мне шанс читать самое лучшее, особенно в начале

Юлиан Панич: Я очень хорошо знаю Гитлера

шу. Как? Опять только искренностью. Никакого другого оружия у меня нет.

Вот сейчас расскажу историю, и вы все поймете. Как готовил свои девятиминутные выступления Галич? (Я и еще пара ребят, как правило, были режиссерами). Галич приходил, садился и говорил — 8 минут 45 секунд, иногда 9 минут, у него было абсолютное чувство времени. И все его передачи были замечательны, глубоки и точны. Один из американских начальников, слушавшихся слетен (в слетнях мы жили все и всегда), пришел спросить «гитариста» (так Галича за глаза называли некоторые начальники русской редакции): сколько времени он готовит передачу и где текст. Галич ему ответил: «Я готовил передачу, пока шел из кабинета в студию, то есть 2 минуты и — целую жизнь перед этим». Вот целую жизнь подключить к каждому моменту пребывания у микрофона — это, наверное, очень здорово. И еще, конечно, я был счастливчик: ерунды-то не читал. Господь Бог дал мне шанс читать самое лучшее, особенно в начале. Конечно, потом уже, после Солженицына, после лучших страниц Аксенова, Войновича, я читал всякое. И прямо скажем, не всегда первосортное. Но уж такое было тесное отношение — Бог с ним, с автором X, и его произведение, надо быть самому на уровне.

Кроме того, я никогда не работал только с литературными передачами: если, например, в пятницу записывал литературную, то в субботу делал репортерскую, в понедельник работал с нашими экономистами и делал их передачу, во вторник готовил материал, связанный с каким-то событием в Германии. И это дало мне огромное преимущество: теперь на радио не существует профессии, которой я не владею хорошо. От написания скрипта до склеивания пленки и подвода музыки, лобных технических вещей, постановки спектакля, прямых репортажей и ведения их. И это была моя реабилитация за годы школярства, к которому я отношу и мое актерство, и режиссерство, за годы убогой театральной жизни. Потому что, хотя я и играл хорошие роли, я сейчас вспоминаю, как мало я вкладывал в них себя. Ведь в театральной школе меня учили ремеслу, актерству, а самим собой, полным я становился на улице, на базаре, на автозаправочной станции, и принести этот опыт на сцену мне не удавалось. Вот Смоктуновскому удается — создавать все время этот «вечност-

это шаманство, люди должны принести себя. И я бываю недоволен, если как режиссер не подкажет актерам этого пути — от их личных сегодняшних уличных переживаний к микрофону. Я всегда говорю: «Не учите актеров играть, просто выбирайте хороших, и они сами все сделают».

И еще одно, очень важное. У нас ведь беда с русским языком. Когда-то я, приехавший из украинской провинции мальчик, трудился и выбивал из себя украинизмы. А теперь чувствую себя ответственным за традиции языка, пытаюсь, насколько это возможно, влиять моей работой. Шершавого, небрежного языка в наших радиоспектаклях нет. Когда он появляется, а у многих актеров органика почему-то автоматически связана с плохим произношением слова, — я ужасно печалюсь. Это непрофессионализм. Меня потеря языка очень волнует. Ведь только в эмиграции начинаешь понимать, какой удивительный русский язык. Не случайно Тургенев написал свое стихотворение в прозе, сидя там, на Западе и говоря по-французски.

— С русским языком сейчас действительно не очень благополучно. И в первую очередь на телевидении...

— Когда-то вокруг городов (это описание еще в начале века) обосновалось целое племя так называемых «зеленщиков», которые поставили овощи на рынок. Так вот, эти люди говорили странным языком, в нем не хватало интонационного богатства, они говорили то громче, то тише, рвано. А это и есть акkurat то, к чему мы пришли. И еще этот чудовищный телеграфный язык, бесконечные сокращения слов, совершенно непривычные русскому уху. Ну вот я сейчас слушаю — СП, МП... Пойди пойми этот бюрократический язык, эти примитивные прилагательные. Ведь что единственное в силах хоть как-то противостоять этому нынешнему огрублению, охамлению страны? Только культура, только искусство. И в первую очередь — через язык.

— Мне хотелось бы поговорить о тех, с чьими книгами вы знакомы своих слушателей. Это поколение уехавших писателей, когда-то знаменитых здесь — например, Аксенов, — теперь они пропали для широкой читательской массы. Книжки, конечно, издаются. Но все равно они как бы вышли из процесса, перестали быть «властителями дум».

— Простите, я-то думаю, что и настальгия, и наши оценки очень историчны. Я не знаю, что было бы с Аксеновым, живи, пи-

эта революция произошла во всем мире. Больше ни немецкое, ни французское, ни итальянское общество не мирятся со сложившейся системой своего устройства, расслоения. Поэтому-то и приходят к власти правые, возникают неонацистские движения. Кто-то больше не хочет выбирать тех, кто был раньше. И в России, на мой взгляд, мы, работники культуры, искусства, журналисты, отражаем происходящее своей судьбой, своими произведениями. Не востребован, не популярен, не раскулачен, — извините. Мы пытаемся очень часто каким-то образом создать модель общества, которая нас бы хорошо потребляла. Но общество другое, и мы к нему имеем отношение только как его члены, но не властители дум.

— И каковы, на ваш взгляд, особенности сегодняшнего российского общества?

— Страна безумно наивна. Нет системы духовной защиты всерьез. Вот идет последнее известие по радио. Ругают коммунистическую партию, в каких-то публицистических материалах поносятся предыдущий строй. Все — правда. А потом — перерыв, и старый фильм. И реакция людей: Боже, какая же замечательная была страна, какие чистые руки, какие вымытые лица, просторные квартиры, какие прилаженные костюмы у этих простых советских людей. Попробуй объяснить сегодня молодому, что тогда грязная машина на экране случайно появиться не могла, грязная — это был специальный знак, во всех других случаях она должна была блестять, а улицы перед съемками вымывались, вылизывались. Режиссеры изворачивались и создавали идеальный мир. Была система эстетической промывки мозгов. Сегодня мы это смотрим, как правду. А то, что сегодня снимается, глядеть невозможно, хотя это и есть правда. Не хочется ее видеть. Так называемые советские горячие боевики — это на потребу какой публике сделано? И какими художниками? Все это очень напоминает сумасшедший дом.

— Многие сожалеют о том, что прежние духовные лидеры пока не возвращаются, чтобы жить здесь постоянно. Их присутствие было бы на пользу обществу.

— Понимаете, приехать сюда жить постоянно — это означает разделить целую систему неудобств, к которым они не привыкли, живя вне России. Вы все, постоянно находясь здесь, допоздны до сегодняшнего времени потихонечку, постепенно. Мы же — я буду говорить о себе — выехали из страны, когда мало чего

было в магазинах, но существовала определенная система благ, и ты мог за свои деньги купить, что тебе было нужно. Был, который играет колоссальную роль, был вполне отлажен. Сегодня этот быт у российских артистов, писателей в общем-то разрушен. Эти возможности — удобного по сути привилегированного быта — появились у людей других профессий. А быт — очень важная вещь. И другое. Когда я сюда приезжал, то первое время обзавивал всю телефонную книжку и практически встречался с 20—30 людьми в день. Раз от раза круг моих звонков сокращался. То есть идет формальный отсев. Не потому что я не хочу кого-то из них видеть, но у людей свои дела, свои заботы. И мне порой бывает с ними очень неловко: мне бы ваши заботы, г-н учитель, как в том анекдоте. И еще мне безумно неприятно быть богатым среди бедных. Я не жадный человек, и по возможности помогаю, какие-то гонорары отдаю на благотворительные нужды. И все равно очень сложно видеть беду, которая окружает людей.

Я несколько раз пытался раствориться в московской нормальной жизни, проехался на метро из конца города в другой. Меня толкали, и мне это не нравилось. Я ходил в столовки, но от них с непривычки болит организм, я это не могу принять. У меня давно совершенно другая система приготовления пищи, я привык к другой воде. Все это, кажется, мелочи, но они играют такую важную роль в жизни.

— Словом, сегодняшняя Россия для нормальной жизни непригодна?

— Твердо знаю — я никогда не буду ругать эту страну и этот народ, чем сейчас грешат многие мои коллеги, не буду говорить, потому что это неправда, что колхозы были лучше, чем сегодняшняя система бед. Ведь смотрите — Россия в этом году впервые за 40 лет не покупала зерна. Так что, если потрудиться, посушить, и появляются ростки нового. Люди должны проснуться от рабской спячки. И никаким другим способом — ни лозунгами, ни демонстрациями — ты не сможешь людей заставить хорошо жить. Только вкалывая, только крутясь в сегодняшней российской ситуации. Да, сегодняшняя спекулятивная экономика, налогами, как все кричат, задавила производство. Но такое положение не будет вечно, все наладится. Эта страна не может погнубить, она чересчур большая. Хотя, наверное, улучшение наступит не завтра.

— Вы сделали фильм «Дорога домой», хорошо знаете историю прихода к власти Гитлера. В чем, вы считаете, природа нарождающегося (или уже родившегося) русского фашизма?

— В тупости мышления, в быдловстве, хамстве, сонной душе. В том, что, хотите вы этого или нет, но весь семидесятилетний период — это ведь тоже фашизм. Стереотип-то тот же. Чем отличаются лозунги Жириновского от лозунгов Троцкого в начале революции? Я накармливаю всех (прежде обещали унитазы из золота), дам дешевую водку и бесплатный хлеб, каждый человек получит отдельную квартиру и приусадебный участок — это то, что обещает Жириновский. И когда сегодня на Западе дрожат от Жириновского, люди забывают, что это уже проходили. Я очень хорошо знаю Гитлера. В фильме «Дорога домой» я рассказывал о Мюнхене, показывал квартиру Гитлера, говорил о Гитлере с людьми на улице. Люди теперь не знают, кто это такой. Сегодня помнят лишь, что в его время все имели работу, не понимая, чем заплатили за милитаризацию страны, что под конвоем должны были строить автобаны, что была больничная касса. Вот так.

А ведь первая больничная касса существовала в России, эти кассы организовывали для рабочих Морозовы, Рябушинские, Путиловы. Большевики же разрушили очень интересную, мощную структуру. А в 1917 году все рабское подняли, вскормили. Вот и бегают эти люди сегодня с красными флагами, где вместо герба Советского Союза в колоде вписан Иисус Христос. Ведь это же бред!

С идеями следует спорить только идеями. А власть предрешающие их не выдвигают, они дорвались до кормушки. И возникает это безвольное противостояние. Никто не может сегодня говорить о демократии всерьез. Идет неравная игра на фоне катастрофического понижения уровня жизни, остановка предприятий, массовой безработицы. И это действительно трагедия.